PG3476
.S5864
L44
1926

ЦЕНА 10 КС

ИВ. СОКОЛ

ЛЕГКИЙ ПАР

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

№ 27

БЕГЕМОТ

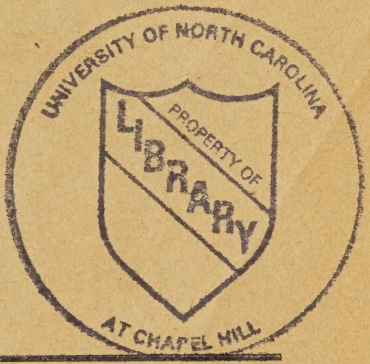
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010304048

PG3476
.S5864
L44
1926

ИВАН СОКОЛ

ЛЕГКИЙ ПАР

LEGKII PAR



ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА
„БЕГЕМОТА"
ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА"
Ленинград — 1926

типография
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"
имени Володарского,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит № 19579. Напечатано 20.000 экз.
Заказ № 5360.

ОНА И ОНИ

Они приходили к пяти. Обязательно по вторникам и пятницам.

И она уже привыкла к этому.

Вторник и пятница были самыми счастливыми днями в ее комнатке на четвертом этаже.

После четырех она садилась и ждала.

Часов у нее не было. Их заменяло солнце. Точно, без ошибки.

Дополз светлый солнечный треугольник на противоположной стене до вывески: «Зубной врач Цампе», значит — пора.

— Неужели сегодня не придут?! Кажется, тучи собираются. Дождик будет.

Загадывала «на входящих».

— Если во двор второй человек войдет женщина, значит — придут.

Ждала, затаив дыхание.

Как на зло, вторым после бабы: «швабры половые, швабры!» — входил толстый управдом.

Фигура управдома напоминала, что завтра — последний срок уплаты за комнату, что уже пять дней, как она не обедала, а денег ждать не откуда.

Там вот, на угловом столике, лежит последний гривенник. Маленькая блестящая капля серебра.

И это все.

— Завтра куплю хлеба, а потом...

Тряхнула кудряшками. Мрачные мысли растаяли.

— Сегодня ведь пятница. Они придут. Вот и солнышко выглянуло!

Пододвинулась ближе к окну и замерла от неожиданности.

Они уже были на дворе, на обычном месте.

Звонкой дробью рассыпалась гитара, забубнила басами, и он... запел.

Припала к подоконнику и напряженно ловила каждый звук его голоса.

А снизу мягко скользила вверх мелодия:

Разукрашу тебя, как картинку,
Золотую поставлю кровать...

— Это он для меня поет. Неужели догадался!

Они кончили. Певец пошел собирать выброшенные из окон деньги.

— Бедный! С таким голосом и кланяется, точно нищий!

Снова зазвенела гитара:

Дай, милый друг, на счастье руку,
Гитары звон разгонит скуку...

— Это он мне. Знает..,

В одну секунду решилась. От окна метнулась к столику. В левой руке — клочок бумажки, в правой — огрызок карандаша.

Написала быстро, быстро:

«Я вас тоже люблю. Завтра в три часа приходите в Инженерный сад. Я там буду, на главной аллее, седьмая скамейка. Ваша Нина».

Потом задумалась.

— А как же передать записку?

Растерянно оглянула комнату...

На глаза попался гривенник. Маленькая блестящая капля.

Мысль — молния:

— Деньги в записку и выбросить. Развернет и узнает. Да. Да.

Забегали пальцы. Раз, два — готово.

А потом выглянула в окно, бросила бумажку и юркнула за занавеску.

Было стыдно и страшно.

Музыка оборвалась. Он снова пошел собирать деньги.

— Что-ж это такое? Что?

— Вон там. Еще... Около люка... — хотелось ей крикнуть.

Певец увидел и поднял.

— Сейчас прочтет... Сейчас... билось сердце.

А он развернул бумажку, смял ее в кулаке и бросил. Потом подкинул вверх гривенник, ловко его поймал, сунул в карман и крикнул гитаристу:

— Хряем, шкет, дальше! Довольно!

«ПОПУТЧИКИ»

Кузьма — мужик и фамилия у него мужицкая — Телкин.

Ксеничкин — городской человек, конторщик сахаротреста. Брючки трубкой, тужурочка в обтяжку, с талией, на ногах — скороходовские сандалии.

В телеге Кузьма устроился, как у себя в хате на лавке. Уселся плотно, точно мешок с овсом.

А Ксеничкину все было как-то неловко, не по себе.

Около версты проехали молча. Дорога сбежала в лощинку, выползла на межу и потянулась кустарником.

— Кишка у тебя тонка, мил человек! — неожиданно сказал Кузьма.

— Как это кишка?

— Да так. К примеру, едем мы с тобой почитай верст пять; а наговорил ты мне такую кучу, что и в год не разберешь...

Ксеничкин перекинул ноги на грядку телеги и моментально убрал их обратно. По сандалиям черкнуло ободом колеса.

— Ну, и разбирай... Мне-то какое дело...

— Известно... а только у Ваньки Карасева куда складней выходило. Летось приезжал он на побывку из армии, рассказывал... Далеко тебе до Ваньки.

Ксеничкин подвинулся ближе к передку телеги, наклонился к волосатой голове Кузьмы и визгливо закричал:

— Господи, боже мой! Да чего-ж ты не понял... да какие же тебе слова надо? Ну?

Кузьма бросил вожжи. Лошадь помотала головой и остановилась.

— Возьмем к примеру другой оборот дела. Я со своим шурьяком за землю четыре месяца сужусь. У нас с ним, видишь ли, выпас пополам, полюбовно. Моя, сказать, баня на собственном обоздворке стоит, а его — на общественной земле, почитай, около Марьиной чистки. Теперь нонешний год был у нас передел? Как ты думаешь?

— Ну, был, — поддакнул Ксеничкин, стараясь вникнуть во все тонкости судебно-земельного дела Кузьмы.

— И выходит — шурьяку дали прирезку на полевой взамен выпаса, а мне — ни хрена. Объясни, голова, чей выпас и должен ли я за него платить налог полностью?

Ксеничкин долго думал и, наконец, заговорил:

— Долг каждого сознательного гражданина — поддерживать финансы государства, создавать крепкую экономическую базу...

Кузьма не дослушал и смаху хватил кнутом по лошади.

— Но-но! Стала еще. Я те огрею.

Телега заколотилась по выбоинам. Влево серыми кусками рассыпалась деревня. В стороне светлым пятном на зеленой озими вылепился хутор.

— Отрубщик... Кирьян... хорошо живет, — указал Кузьма.

— Наверно, завел у себя улучшенные формы землепользования.

— Каки там хвормы выдумал! Клевер сеить, молотилка своя, скотины четыре штуки. Вот те и вся хворма.

— И вы клевер сейте. Трактор заведите.

Кузьма усмехнулся.

— Трактор — хорошая штука. В день столько напашет, сколько и в пять не обойдешь. Видали. Ты вот в городу живешь, все порядки знаешь. Говорят, трактор этот можно купить на выплатку, помесячно. А где? Куда сунуться по этому делу? Мы неизвестны.

— Трактора есть заграничные и русские самых различных систем и конструкций. В Америке изобрел воздушный трактор...

— Мериканцы. Да что ты! — ахнул Кузьма.

— Система этого трактора очень проста и основана на том же принципе, как и аэропланный двигатель с пропеллером...

— А купить его как? Сколько он стоит-то?

— Воздушный трактор изобретен...

— Тпру, тпру! — неистово заорал Кузьма. — Слезай на земь. Слезай тебе говорю!

Ксеничкин покорно вылез.

— Надоел ты, чорт, со своими разговорами. Иди пешком. Мелево!

Кузьма ткнул лошадь в зад кнутовищем и скрылся в облаке пыли.

ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Свечкина все знают. Хороший человек, скромный.

Отсидит своих восемь часов на станции, вежливо со всеми попрощается и уходит домой.

Тихо, смирно.

Но... иногда Свечкин, по выражению ламповщика Акима, «срывается с катушек» и тогда...

Последний раз это было на прошлой неделе.

Сидели в аппаратной. Начальник станции, два телеграфиста, сторож и дьяконов племянник. Только-что получили газеты и поэтому спорили «по политическим вопросам».

Свечкин говорил:

— Итак, товарищи, в наших руках все необъятное будущее, так сказать. Была революция в политике — раз, была в экономике — два, теперь настало время сделать, так сказать, революцию человеческого духа и морали...

— Вот так Свечкин! Оратор прямо! — вставил начальник станции.

Похвала для Свечкина — то же, что кнут на горячую лошадь. Гордо закинув голову и тыкая пальцами в сторону плаката: «соблюдайте тишину, не мешайте работать», он продолжал:

— Это будет третья революция, товарищи! Мы должны. Мы обязаны резко порвать со всякими там — стыдно, неудобно, некрасиво, невежливо. Мы создадим новые правила. Если на Филиппинских островах, или где-нибудь там в жарких странах диким не стыдно ходить без штанов...

— То и нам следует ходить без оных, — насмешливо перебил дьяконов племянник.

Все дружно захохотали. Свечкин обиделся.

— Я вижу, что вы еще не доросли до понимания высоких истин. Да-с! А я вот на собственном примере докажу. Возьму и... потому вообще... я человек убежденный.

— А ну попробуй. Докажи Уморил совсем.

Свечкин одел фуражку и выскочил из аппаратной.

— Идиоты! — крикнул он.

В догонку ему гудел пропойный бас дьяконова племянника:

— Окропиши его самогоном — да очистится!

Но Свечкин не слыхал этого. Он широко шагал по улице.

— И докажу, на зло докажу. Вот сейчас приду домой и начну борьбу с предрассудками.

Усаживаясь обедать, Свечкин заметил, что жена чем-то недовольна.

— Что с тобой, Люлюсик?

Люлюсик капризно запищала:

— Ты сегодня, придя со службы, забыл со мной поздороваться и поцеловать.

Свечкин положил ложку.

— Видишь ли, Люлюсик, здороваться — это совсем не современно. Мы обязаны... я и ты... начать борьбу с этими условностями. Мы, Люлюсик, должны быть революционерами, так сказать, в области духа и морали.

Люлюсик пожала плечами:

— Ничего не понимаю.

— Так это же так просто! Ты говоришь — почему не поздоровался и не поцеловал...

— Этого требует вежливость.

— Постой, постой, — замахал руками Свечкин. — В наших руках — все наше будущее. Понимаешь, Люлюсик! Зачем говорить: здравствуйте, когда здоровья от этого все равно не прибавится, а поцелуи, ты знаешь, они даже не гигиеничны. На губах у человека всегда могут завестись микробы.

— Это еще что за микробы? А? — подскочила к Свечкину Люлюсик.

— Ну, микробы... заразные такие...

Люлюсик набрала побольше воздуха в рот и выпалила в лицо Свечкина:

— Дур-р-рак!

Потом юркнула в спальню, быстро одела пальто, шляпу и, проходя мимо Свечкина, презрительно бросила:

— Ищите себе другую... без микробов, вибрион вы холерный, а я ухожу жить к сестре.

Свечкин остался один. Обедать ему не хотелось.

— Неправильный подход сделал! — вслух сказал он.

Вечером Свечкин снова ораторствовал на станции.

ПАТРИАРХ

Напуганный я человек. Еще с 18 года, как за картошкой в Курскую губернию ездил.

Милиционера боюсь. Торговки боюсь. Пожарного на улице увижу — и со всех ног домой:

— Не у меня ли горит?

А больше всего по железной дороге ездить опасаюсь. Первое дело — крушение, второе — жулья в вагонах много. Очки с носа упрут — и не увидишь.

А тут получаю письмо от свояка из Псковской губернии: к себе по важному делу зовет.

Подумал, подумал и решил ехать.

Жена говорит:

— Смотри, Сеня, в дороге рот не разевай!

— Не беспокойся, говорю, матушка.

Прожил я у свояка две недели и — домой. Приезжаем на станцию. Пошли по вагонам места искать. Куда ни сунемся — все как-то страшно. В одном и совсем подходящее дело выходило, да поглядел я на верхнюю полку. Ле-

жит на ней какой-то, семечки лузгает и глазами вращает. Шинель солдатская и багажа никакого. Я — вон, свояк — за мной.

— Не иначе, как жулик! — говорю.

— Самый и есть, — отвечает свояк.

В другом вагоне — студенты. Народ дошлый. Тоже опасно.

Наконец, нашли подходящую компанию. Свободно — хоть польку танцуй. Из пассажиров в отделении — старушка торгового вида и священник.

Никогда в жизни я таких духовных особ не видывал. Благообразие, сановитость, а на лице какая-то елейность написана. Ряса малиновая, борода седая и крест золотой.

Патриарх, да и только.

Я, конечно, к нему и вежливо так:

— Свободно напротив, батюшка?

— Будьте добры, садитесь, — отвечает, а голос — прямо музыка райская.

Положил я чемодан, попрощался со свояком и сел...

Разговорились, познакомились. Отцом Иваном его звать. Оказалось, в один город едем.

Я, разумеется, на самую больную тему разговор завожу.

— Много на железных дорогах воровства расплодилось...

— Обнаглел народ. Бога забыл. Так и смотрит, как бы пакость ближнему сделать.

— Истинно говорю, батюшка! Между прочим давайте чайку выпьем. Вы за моим чемоданом приглядите, а я мигом на станцию сбегаю.

Сказано — сделано.

Сидим — пьем чай, и, примерно, на третьем стакане стали мы с ним такие приятели, что я не утерпел и признался:

— Вы мне сразу понравились, отец Иван! Патриарх вы библейский. Вид у вас, голос...

— И вы мне тоже! — улыбается и бороду поглаживает.

Пригласил я его у себя остановиться, потому как ехал он по служебным делам и в городе у него знакомых — никого.

Вежливо поблагодарил и не отказался.

А, примерно, через час и до места докатили.

— Слава тебе, господи, — думаю. — Богородица дева, радуйся! Кончились мои страхи. Что значит с порядочным человеком ехать! Никаких историй.

Отец Иван из-под лавочки чемодан вынул и корзинку плетеную.

— Помогите, — говорит, — донести корзиночку.

— С нашим удовольствием. Вам, да не помочь!

А сам все восторгаюсь: Патриарх. Со всех сторон патриарх. Осанка, поступь...

Выходим мы на платформу. Все чин-чином. Отец Иван впереди, а я за ним.

И вдруг... почему, отчего, — ничего не известно.

— Гражданин, пожалуйте в отделение! — и двое на меня в красных фуражках.

— ГПУ. Батюшки!

Я глазами туда-сюда. Ищу отца Ивана, а он, стерва, увидел такой камуфлет, враз сиганул между публики и... Кузькой звали.

Испугался я, конечно. С лица позеленел. Язык от страха отнялся, а в отделении думал и совсем конец пришел.

Корзинку-то раскрыли, а в ней: четыре бидона спирта эстонского и несчетное количество резиновых вещей для секретного употребления.

Ахнул я, обалдевши.

— Вот-те и патриарх, — думаю.

Теперь и попов боюсь. Как увижу, так вот и кажется, что корзинку в руки сунет и донести попросит.

Между прочим и повестку из суда получил.

ПОДЛОГ

Мой сосед по квартире — Колька Лобков.

Черненький девятилетний парнишка.

Сын беспатентной торговки и безногого инвалида.

Вчера Колька пришел ко мне и деловито сказал:

— Дрова берешь?

— Какие дрова? — удивился я.

— Березовые. Три полена за пятак.

— А откуда у тебя дрова?

— Украл. На складе. Только ты без звону. Понял? — нисколько не смутившись, ответил Колька.

На улице было 20 градусов мороза. В комнате у меня термометр второй день мирно покоился на нуле. Я согласился

Колька вышел, осторожно притворив за собой дверь. Через несколько минут он притащил три толстых березовых полена.

— Готово. Гони монету!

Я опасливо спросил:

— А тебя, Коля, никто не видел, как ты их бр-а-л?

Колька подмигнул и презрительно свистнул:

— Во! У нас, брат, стрема есть.

— Ага. Это хорошо, — сказал я, копаясь в карманах.

Как на зло, пятачка не было. В кошельке валялся царский гривенник, обломок карандаша и старый железнодорожный билет.

— Ты, может быть, Коля, до завтра подождешь? — смущенно пробормотал я и неизвестно почему покраснел.

— Мне сейчас надо, — насупился Колька.

— Тогда... вот что. Сходи в кооператив к Ивану Ивановичу. Я напишу записку. Он тебе отдаст пять копеек.

Колька сдвинул на затылок рваную буденовку и подозрительно уставился на меня:

— А ежели не отдаст?

— Отдаст.

— Ну, пиши.

На клочке бумаги я написал: «Иван Иванович, уплатите мальчику Коле 5 копеек».

Колька сунул записку в карман и моментально исчез.

Через два дня я встретил Ивана Ивановича.

— Заплатили вы мальчику?

— А как же! 45 копеек.

— Какие 45? — изумился я.

— Да вот же ваша записка.

Я вырвал из рук Ивана Ивановича записку.

«...уплатите мальчику Коле 45 копеек», — прочел я.

Рядом с моей пятеркой стояла чужая, незнакомая четверка. Она была немного меньше и беспомощно валилась в сторону.

Подлог был несомненен.

Две недели я не видел Кольку.

Как-то вечером он зашел ко мне и снова предложил дров.

Я посадил его рядом с собой на диван, нежно погладил по вихрастой голове и спросил:

— В школу ты, Коля, ходишь?

— А то нет.

— И цифры умеешь писать?

— А то нет.

— Значит, это ты в записке четверочку-то приставил? — ехидно хихикнул я.

—Ну, приставил, — сознался Колька.

— Так это же—подлог... это же очень и очень гадко... это же не честно! — вскрикнул я с дрожью в голосе.

Колька вскочил с дивана, бросился к двери и вдруг круто повернулся:

— А ворованные дрова, по-твоему, покупать честно? Сам дурак! Сам мазурик! Вот!

И юркнул в дверь.

С тех пор я с ним не встречался.

РЕБУС

Кукин и Вострюков сидели в буфете Варшавского вокзала и пили пиво.

— Врешь, брат. Ой, врешь! — горячился Вострюков. — Надо знать, как подойти к деревне. Изучить ее сначала. Деревня — это, брат, ребус, загадка.

— А по-моему, наоборот. Зипуны, армяки, вообще простая штука.

И заспорили.

А к столику — овчинный полушубок, повыше — шапка-треух, а под шапкой... этакая простецкая рожа деревенская.

— Товарищи любезные! Подозвольте спросить.

— В чем дело?

— Работенки у вас не найдется?

Кукин рукой отмахнулся, а Вострюков в один момент стул пододвинул и...

— Садись, товарищ. Зовут как?

— А Сысой.

— Из деревни говоришь?

— А то отколе-ж.

— Так. Это хорошо!

У Вострюкова в карманах всякая дрянь водится. Сунул руку — вот она записная книжка. Еще раз — карандаш химический. Кукин пива налил.

— Пей, Сысой!

— Тольки, товарищи любезные, за угощение у меня платить нечем.

— Ты пей, да рассказывай, как у вас там в деревне.

Сысой выпил.

— А чего-ж в деревне? Все, как надо быть.

— Расскажи нам о культурно... вообще там. Ну, изба-читальня есть?

— Есть, есть. Все, как полагается.

— Так. Народу много бывает?

— Человек 300.

— Так. А книг много?

— Штук 100.

— Так. А сколько газет выписываете?

— 500, а то и боле.

Вострюков воткнул карандаш в записную книжку.

— А земли много?

— Десятни 80.

— Так. А деревня большая?

— Не.

Кукин заказал «две парочки, да рачков». Все дружно выпили и около часу слушали рассказы Сысоя.

— И случись это, товарищи, в самые... рождественскеи заговены...

Вострюков восторгался, записывал и снова восторгался.

— Вот он быт-то. Изучай, дружище Кукин, изучай! Сысой — не книжка, а живой человек от самой земли.

А Сысой поковырял пальцем рака и сказал:

— Не едят их у нас. Кошка и та не жрет. Возгря одна в ем.

— Раков-то? А ну, ну, расскажи.

Но Сысой устало вытер потный лоб и замолчал.

Потом спросил:

— А как же насчет работенки-то?

— Нету у нас. Вот, если хочешь, получай полтинник.

Сысой поблагодарил и спрятал полтинник за пазуху.

— А и чудной же народ в городу попадается!

— Как чудной?

— Да так. Вчерась вот... на этом месте сидели двое, вроде как бы и не вы. Увидали меня. За стол посадили, пивом поили, рупь дали, только рассказывай им про деревню. Ну, и наговорил же я им. Такого, чего николи в нашей

деревне и не бывало, потому они... вроде... как не в себе, в пол-ума. Такают, как тетерева на току. Что ни скажи, все так, да так... Один-то, чернявый тоже, все в книжку чиркал... а я-то вру, я-то...

— Выходит, значит, и нам наврал? — мрачно спросил Вострюков.

— Признаться, насчет читальни только, а остальное — все правда, как перед истинным. Потому чернявый вчера сильно обижался, почему в нашей деревне читальни нет. Почем зря изругал деревню. Такая обида. А, впрочем, прощения просим, товарищи!

И Сысой неторопливо отошел от стола.

— Вот так ребус! — расхохотался Кукин.

Вострюков смущенно молчал.

КРАСНЫЙ ПЛАТОК

Жена моя — из простых и совсем даже не барыня. Я тоже не господского рода, а по специальности — машинист. Кручу на пассажирских и с приработком рублей 130 в месяц выколачиваю.

Мало, конечно. Получишь монету: туда-сюда, пятое-десятое, сотое-двадцатое и — фьють! Нету денег! Сгорели, как в топке.

А тут жена пристала.

— Возьми, да возьми, — говорит, — девочку на воспитание! Девочка очень хорошая!

Действительно, своих детей у меня нет и все как будто по семейному делу скучно. Придешь домой с работы, сядешь обедать, а говорить не о чем.

— Эх, — думаю, — возьму! Пусть кормится девченка! Не объест ведь!

И взял. Прямо от чужой матери-покойницы.

Появились в доме пеленки, соски, клистирчики. Стало как будто веселей. Занимаемся с

ребенком. Я его держу — жена кормит, а то наоборот. Девочка попалась умненькая. Носик делает, со стола стаканы на пол сгребает и все такое. Смешно и занятно.

А время бежит. Год незаметно прошел.

Прихожу я как-то домой. Гляжу — полный развал и бестолковщина. Жена в слезах и плита холодная.

— В чем дело? — спрашиваю.

А моя Маша, — жена, значит, — как накинется на меня.

— Нанимай, — кричит, — прислугу! Сейчас иди нанимай! Не желаю я дома сидеть, как окаянная! В гости хочу! Бери Анку-чухонку за 8 целковых в месяц!

Два дня мы ругались. Жена всю посуду пококала. Мне бы выдержать характер, а я размок, как мочалка.

— Чорт с ней! — думаю. — Найму прислугу!

И нанял.

Пошло все по-новому. Полов жена не моет, дров не колет, в лавочку не ходит, а спит до двенадцати. Девченку прислуга няньчит, а жена сидит и «Рокамболя» читает. А то с прислугой чужие кости полощат.

Как-то раз иду я с получкой. Подходит ко мне паренек и платки продает. Выбрал я три красных платка и заплатил по полтиннику.

Жене, значит, платок, прислуге и девченке.

Прихожу домой. Собственной своей рукой платки всем на головы повязал и радуюсь.

— Вы у меня, — говорю, — точно красные маки в огороде сидите и все одинаковые!

А жена — скок с места.

— Одинаковые, — спрашивает, — платки?

— А то как же! — отвечаю.

— И за одну цену?

— Обязательно!

Сдернула она с головы платок, да и швырк мне в физиономию.

— Я тебе кто? Жена? Да! — орет. — Хозяйка в доме! А ты меня с прислугой на одну доску поставил! Не мог меня от нее на гривенник отличить! Подороже на гривенник платок купить! Ты... да я тебя!

Я за шапку и — бежать. Очутился вот в этой пивной и сколько выпил — не знаю. Одно думаю: жена моя хоть и из простых, а все же правильно говорили на полиграмоте, что — бытие определяет сознание.

Что вы на это скажете, гражданин?

СЕМЕЙНЫЕ ОСНОВЫ

— Рассказать можно. Отчего не рассказать. На то и язык привешен. Мармазель! Еще кипяточку на парочку стакашков.

Козодоев налил себе чаю и задумчиво уставился в окно.

— Да вот к примеру. Жил я в 1905 году в Пскове, на Разлюляевой улице. Семейство у меня было небольшое. Я, жена покойница, да два оболтуса: Ванька и Каскентин. Каскентин в коммерческом обучался, фуражку с кантом носил и пальто форменное с хлястиком, а Ванька — так, вроде Володи, — лодырь.

А сам я самоварным делом занимался. Ну, кастрюли, сковороды починять тоже брали. Подручный при мне состоял: Ковалев по фамилии.

Жил я не плохо, потому фирма у меня была солидная и работала на всю Разлюляеву улицу. В доме тишь да благодать. В постель ляжешь —

ни блошка, ни вошка тебя не беспокоит. Семейство я держал в повиновении. Бывало крикну:

— Жена, обедать! Дети! Показывай какие-таки уроки вам заданы?

Глазом моргнуть не успеешь — шти на столе, дети книжки волокут учебные. Арифметику, закон божий и прочее.

А тут революция эта самая. Публика по улицам ходит, на собраниях галдит, руками размахивает. Кутерьма, да и только.

Спрашиваю я как-то у Ковалева:

— И чего это народ темесится? Скажи, пожалуйста?

— А он в ответ:

— Правов своих добивается.

— Каких таких правов?

— А таких, что каждому пить, есть надобно.

Тут я, конечно, сразу раскусил, что он за гусь, и этакий ему заковыристый вопросик задаю:

— Так и царя, по-твоему, не надо?

— И царя не надо!

Я, конечно, ахнул. Сами подумайте — этакие слова. А Ковалев хоть бы что и промежду прочим книжку из-за пазухи вытаскивает.

— На, говорит, хозяин, почитай! Все тут сказано.

Я спервоначала в угол от страха, а потом полюбопытствовал. Взял книжку, заперся на

кухне и давай читать. Читал, читал и выходило по этой книжке все наоборот. К примеру, я — хозяин своего заведения, а по книжке хозяев не надо. Ковалев у меня подручный и вроде как в работниках, а по книжке он сам по себе, а я и жена моя для него — раз плюнуть.

— Вот так механика, думаю.

А потом так пристрастился я к этим книжкам, — хуже чем к табаку. В день по книжке читаю. И все в разных переплетах. Чего не пойму, Ковалев объяснит. Ну, долго ли, коротко ли, а произошло у меня в мозгах просветление. Сам себя не узнаю. Хоть сейчас на баррикады.

На митингах речи говорю. Вот до чего отчаялся. Так бывало прямо и режу:

— Долой, и больше никаких.

Вскорости я и совсем революционером поделался. Где нарушение порядка, — там и я.

В каком месяце—вот уже не помню—была у нас назначена демонстрация. Я это по домашнему делу припоздал немного. Бегу по улице, тороплюсь, ан вот она и демонстрация в полном составе на базарную площадь выпирает. Красный флаг впереди и «Отречемся от старого мира» гремит. Я, конечно, ближе. Только ступнул этак шагов с десяток и стал обалдевши. Гляжу: мой Ванька и Каскентин у самого красного флага шагают и фуражки на воздух подкидывают. Сердце у меня кровью облилось.

Отец я все-таки своим детям. Как гаркну я на весь базар:

— Бей их, братцы!

Потому сами понимаете, какой же это порядок выходит, ну, революция там, ну, царя не надо, а зачем же семейные основы подрывать? Детей неповиновению начальству обучать? Тут уж не революцией пахнет.

Козодоев прищурил левый глаз и отер рукавом потный лоб.

— Была в тот день катавасия. Двое убитых, восемнадцать раненых. Каскентин фуражку потерял новую. Полтора рубля плочено. И сейчас жалко.

— Вот какие дела бывали. А, впрочем, получите за чай, мармазель.

Козодоев умолк и начал считать медяки.

СЫН ПОЛКОВНИКА

Комнатка была совсем маленькая. Всего каких-нибудь двенадцать квадратных метров.

Два стула, кровать, стол и на стене в черной рамке — испанка с веером, на веере — надпись: «Издеся жил Хунтиков».

А у квартирной хозяйки нос был длинный, напудренный. Под левым глазом — родинка.

Трещала хозяйка, как кофейная мельница.

— И комнаткой будете довольны. Очень довольны, молодой человек! Тишина, покой. Райский уголок. Теплая уборная, вода...

— Главное, чтобы тихо было.

— Помилуйте! Вполне приличная семья. Ведь мы не кто-нибудь.

— Хорошо. Я согласен.

Яша Кузин отдал задаток и к вечеру перебрался.

— А ведь, кажется, не дурно. Комната на ять. Молодец, Яшка! Тепло и дешево. Обстановки

вдоволь, — размышлял он, раскладывая на столе книги.

Неожиданно в соседней комнате заговорили.

Кузин прислушался.

— Очень славный молодой человек. Отец — полковник.

— Да что вы? А мать?

— Дочь богатых помещиков. До революции собственное имение в Крыму было.

— Неужели в Крыму?

— И на Волге, и еще где-то. Очень приличные люди. Брата-офицера в 19-м году расстреляли.

— Негодяи!

— А другой за границей. Богач.

— Скажите пожалуйста!

— А этот здесь в технологическом учится. Воспитанный такой. Сразу виден барин.

— А как фамилия-то?

— Да я же вам говорила. Кузин. Яков Петрович. Новый жилец мой.

Кузин швырнул на кровать рваные брюки и решительно подошел к стенке.

— Послушайте! — закричал он. — Батька у меня слесарь, мать — прачка, братишка — красноармеец. Очень приличная семья, в которой нет ни одного полковника. Понимаете?

Ему ничего не ответили, но через минуту дверь в его комнату приоткрылась. В образо-

вавшуюся щель сначала просунулся напудренный нос, потом желтые ленты и, наконец, кружевной чепец.

— Послушайте. Если вы хотите иметь дешевую, теплую и удобную комнату, вы должны быть сыном полковника.

— Но... — заикнулся Кузин.

— Без «но». Я не хочу уронить свой престиж перед моими знакомыми. До вас здесь жил генерал Фунтиков. Если не согласны, ищите другую комнату.

Кузин вспомнил, что в городе — острый квартирный кризис, что восемь дней он проживал на вокзале, что... Очень многое вспомнил Кузин, вздохнул и тихо сказал:

— Хорошо. Я пока буду сыном полковника

Нос, чепец и ленты исчезли.

ЭКОНОМИЯ

На столе лежали два двугривенных и семнадцать копеек медью.

Коркин сложил деньги столбиком и строго сказал:

— Марья. Надо соблюдать экономию!

— На чем? На чем ее соблюдать-то? — визгливо вскрикнула жена.

— На всем, Марья! В наше время экономия необходима, как воздух. Понимаешь? Вот, например, я курю папиросы? Да?

— Ну, да.

А это — излишняя роскошь. Я их бросаю курить и перехожу на махорку.

Коркин вынул из жилетного кармана огрызок карандаша и взял с этажерки счеты.

— Вот сейчас подсчитаем. Пятачек да гривенник — будет пятнадцать, да еще столько же...

Коркин долго щелкал костяшками и, наконец, весело сказал:

— За-а-мечательно! Только на одной махорке я могу сэкономить в год 23 рубля и 45 ко-

пеек. А если взять еще к этому и другие предметы первой необходимости?

Это какие-ж? — подскочила к столу жена.

— Вот ты, например, Марья, полы мыть женщину нанимаешь? Да? А ты не нанимай. Сама вымой. Смотришь — полтинник экономии. Дальше. Белье стирать отдаешь, а ты не отдавай, а сама выстирай. Еще три рубля экономии.

Жена схватила стул и присела рядом.

— А всего-то, всего сколько выйдет?

— Сейчас подытожу.

Коркин снова защелкал костяшками счетов.

— Удивительно! — вскочил он. — Выходит экономии 60 целковых и ни копейки меньше.

— Да еще махорочных 23 рубля 45 копеек, — подсказала жена.

— Верно. И еще махорочных. Итого 83 рубля 45 копеек. Это в год. А в пять лет? А в десять? А?

Через две недели Коркин пришел со службы мрачный и расстроенный.

Он молча снял пальто и угрюмо буркнул:

— Марья. Вся экономия ухнула!

— Куда? — всплеснула руками жена.

— На пиво. Получку спрыснули. По четыре целковых с брата пришлось!

Не распечатанная пачка махорки торчала у Коркина из кармана.

ЛЕГКИЙ ПАР

Суббота. День крайний.

Только я в баню собрался, ан, вот и Редька на пороге. Валенки шапкой обмахнул, бороду пятерней разгладил и ко мне:

— Здорово, Бабушкин! Да ты никак куда-то наклался?

Хотел я сначал соврать, а потом зло меня взяло на Редьку. Всегда не во-время явится.

— В баню иду.

Редька огорченно вздохнул:

— Так. Выходит, значит, я вроде как невпопад. А мы, собственно, уполномочены, как есть ты наша шефия, по сурьезному разговору. Все насчет лекстричества. Но... оно, конечно, баня — первое дело.

Редька почесал поясницу и мечтательно добавил:

— Эх! А и хорошо это кости распарить, которые трудящиеся...

Потом одел шапку и решительно шагнул к двери.

— Пойду в трактир, коли так. Прощения просим.

Очень не хотелось мне отпускать Редьку.

— Слушай, друг, говорю, а что, если мы вместе в баню пойдем?

— В баню-то? Ах, мать честна. Елки зелены. Вот ловко придумал. В городской бане я сроду не бывал. Дома-то мы в печках паримся, милый ты мой. Как тараканы.

Сильно удивил меня Редька.

*

В хорошей бане — пар легкий. Ох! Легкий.

Как-раз и компания знакомая подобралась: мастер Щучкин из механического, да резчиков двое.

Редька налил пол-шайки воды и тихонько спросил:

— Слышь! А воды-то всем хватит? Разговору чтобы не было, и вообще...

— Сколько хочешь лей.

Редька хлопнул себя по голым ляжкам.

— Да что ты? Вот так механика! Повернул ручку — и лей. Чудно!

Забравшись на полок, он помахал веником и несмело заявил:

— Пару как будто маловато.

А мастер Щучкин посмеивается:

— На перепарки хочешь? Идет. Посмотрим, кто меня с полка сгонит.

Щучкин две шайки кипятку на каменку подкинул.

— Ну как, дядя? Карежит?

— Чего карежит? Только-что в пору. Плесни-ко еще охапочку.

Мастер плеснул и забрался на верхнюю полку.

Поработал Редька веником минут десять.

Товарищи граждане! Кому посвободнее — киньте еще шаечку.

Тут мастер кубарем с полка скатился и — в раздевальню. Не выдержал высокого давления.

А Редька хоть бы что. Орудует веником и на всю баню гогочет:

— Вот так пар! Ну, и пар! Легкий. Го-го! Иех!

Народ даже собрался смотреть, как Редька парится.

Часа через два Редька вышел одеваться.

— Ну, друг, и удоблетворил же ты меня! То-есть век я тебе этого не забуду. Вот так шефия! Ну, и шефия! В самую точку попал.

Редька сидел и шумно отдувался.

***

А через две недели ко мне приехали: жена Редьки, ее свояченица, теща и еще какие-то дальние родственницы.

Бабы стояли на кухне, по очереди кланялись и выкладывали на стол кульки, узелочки и кошолки.

— А вот и письмо от Селифан Григорича.

Я развернул бумажку.

Редька писал:

«... как есть ты наша шефия и насчет смычки города с деревней, покажи бабам, где баня находится. И чтобы все в аккурате: кранты медные и легкого пару вдоволь... А презенты прими, не побрезгуй».

Бабы кланялись.

Я тоже.

К презентам подбиралась кошка.

26-2
2-50
008113630

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
БЕГЕМОТ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

№ 1. **И. Ломакин.** Чужая шкура.
№ 2. **М. Зощенко.** Кризис.
№ 3. **Свэн.** Шахматн. турнир.
№ 4. **А. Григорович.** Скуки ради.
№ 5—6. **М. Зощенко.** Рассказы Назара Синебрюхова.
№ 7. **Ал. Григорович** и **Свэн.** Чудо на Сырых Болотах (сатирическая хроника).
№ 8. **К. Мазовский.** Кусок жизни.
№ 9. **С. Томский.** По народным судам.
№ 10. **Мих. Козырев.** Рассказы.
№ 11. **Э. Гард.** Заметки судебного репортера.
№ 12. **Свэн.** Совет дервиша.
№ 13. **М. Зощенко.** Рассказы.
№ 14. **Пант. Романов.** Избранные рассказы.
№ 15. **В. Черний.** Даешь шпану!
№ 16. **В. Лебедев (Кумач).** Защитный цвет.
№ 17. **В. Тоболяков.** Помпа.
№ 18. **Вяч. Шишков.** Кольцо.
№ 19. **Б. Левин.** Рассказы.
№ 20. **А. Архангельский.** Коммунистический Пинкертон.
№ 21. **И. Свэн.** Сын Чичерина.
№ 22. **В. Ардов.** Тайна старого кооператива.
№ 23. **Н. Кикитин.** Юбилей.
№ 24. **М. Зощенко.** Десять рассказов.
№ 25. **А. д'Актиль.** Синяк под глазом.
№ 26. **Р. Волженин.** В точку.
№ 27. **Ив. Сокол.** Легкий пар.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

№ 28. **Л. Никулин.** В общем и целом.
№ 29. **В. Воинов.** „Ламца-дрица".

Цена отдельного выпуска 10 коп.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Еженед. библиотека вместе с журналом „БЕГЕМОТ"

На **1** мес. . . . . — р. **95** к. || На **6** мес. . . . . **5** р. **35** к.
„ **3** „ . . . . . **2** „ **75** „ || „ **12** „ . . . . . **10** „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ — в Гл. Конторе „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ" — ФОНТАНКА, 57. В отделении Гл. Конторы — ПРОСПЕКТ 25 ОКТЯБРЯ, 68. В Конторе „СЕВПЕЧАТИ" — ПРОСПЕКТ 25 ОКТЯБРЯ, 1, и во всех почтовых конторах СССР.

8

Цена 10 к.